

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ БАЛКАРСКИХ ОБЩЕСТВ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

NEW TRENDS OF ECONOMIC AND SOCIAL DEVELOPMENT OF THE BALKARKHIKH OBSHESTVA IN THE END OF THE XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

M. Abaeva

Annotation

The article analyzes the issues of economic and social development of Balkaria in the late XIX – early XX centuries. In particular, the development of cattle breeding and farming, the construction of the first wheel roads that connected the mountain gorges with the plane, highlighted the issues of exploration of mineral deposits, land leases, the allocation of pasture lands to Balkars and the process of splitting up the elite of the Balkar people.

Keywords: cattle breeding, agriculture, wheel roads, mining, land rent, begenda, ortak, production of dairy products, dissolving.

Абаева Мадина Шамилевна

*Аспирант, Северо-Кавказский институт
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при президенте РФ г. Пятигорск*

Аннотация

В статье анализируются вопросы экономического и социального развития Балкарии в конце XIX – начале XX веков. В частности, развитие скотоводства и земледелия, строительство первых колесных дорог, связавших горные ущелья с плоскостью, освещены вопросы разведки месторождений полезных ископаемых, аренды земли, выделения балкарцам пастбищных угодий и процесс раздворянивания элиты балкарского народа.

Ключевые слова:

Скотоводство, земледелие, колесные дороги, добыча полезных ископаемых, аренда земли, бегенда, ортак, производство молочных продуктов, раздворянивание.

Последствием падения крепостного права в России явилось развитие капиталистических отношений в стране. В процессе своего развития российский капитализм естественным образом потянул за собой все народы Кавказа, в том числе и Балкарию. Взламывая обособленность балкарских обществ, капиталистические отношения способствовали разрушению прежней замкнутости горцев и ускоряли процесс их социально-экономического развития.

Сопоставление данных за 1867 и 1895 годы показывает, что за 30 лет прошедших после отмены крепостного права уровень развития скотоводства в Балкарии значительно возрос. Так количество лошадей увеличилось почти в два раза (с 3072 до 5682 – в 1895 году), овец в 2 раза (с 106041 до 205085), а число крупного рогатого скота почти в 3 раза (с 16676 до 46082) [1, с.99]. В первые годы XX века животноводство продолжало расти и к 1906 году количество лошадей достигает – 7083 голов, крупного рогатого скота – 53794 голов, овец – 222781 головы.

Скотоводство в Балкарии начало приспособляться к все возрастающим потребностям рынка. Каждый год большие партии крупного рогатого скота, овец и лошадей поступали на крупнейшие ярмарки региона в Георгиев-

ске, Ставрополе, Пятигорске, а также в Закавказье и в центральные районы России.

Постоянными покупателями крупного рогатого скота у балкарцев были сваны и имеретинцы – жители Рачинского уезда Кутаисской губернии. Имеретинцы почти ежегодно закупали большие группы крупного рогатого скота и перегоняли их через перевал Штулу. С каждым годом, в пореформенный период торговля скотом продолжала возрастать: с 588 голов скота, проданного в 1867, до 2–3 тысяч голов в конце XIX века и с 4–4,5 тысяч овец, продававшихся ежегодно в конце 60–х годов XIX века, до 14 тысяч к концу XIX века. В начале XX века балкарцы ежегодно сбывали от 3 до 6 тысяч голов крупного рогатого скота и в среднем около 15 тысяч овец [1, с. 125].

Торговля скотом приносила бывшей феодальной знати – таубиям и членам других разбогатевших сословий большие доходы. Торговля постепенно стала приобретать такие размеры, что ею стали заниматься не только приезжие торговцы, но и скупщики-посредники из среды самих балкарцев. Они скупали у своих соплеменников лошадей и крупный рогатый скот, давая за них лишь задаток и обещая уплатить остальную часть после продажи в Закавказье. К примеру, такой момент был отмечен в докладной записке председательствующего Временного

отделения Нальчикского горского словесного суда начальнику Нальчикского округа от 29 октября 1886 года, где сообщалось, что "20 сего октября житель Урусбиевского общества Хаджи Ахматов, словесно заявил суду, что несколько месяцев тому назад он купил у односельца своего Мурзабека Тевоева лошадь за 80 рублей, в счет которых отдал ему, в виде задатка, 10 рублей, условившись оплатить остальную сумму, после возвращения из Закавказья" [2, с. 162, 163].

В Балкарии с давних времен действовали такие нормы землепользования как "бегенда" и "ортак". Собственник земли, отдавал свой участок в "бегенду" за определенную сумму с тем, чтобы участком, взятым в "бегенду" пользовались до тех пор, пока он или его наследники не возвратят полученную в залог сумму. В договоре по "бегендному" праву срок не указывался, и отношения по "бегенде" переходили по наследству из поколения в поколение, растягиваясь иногда на десятки и сотни лет.

В пореформенный период "бегенда" постепенно стала утрачивать свой первоначальный характер и стала приближаться в своей сущности к обыкновенной ссуде под залог недвижимости. После повышения цен на землю залогодержатели всячески стремились, во что бы то ни стало завладеть "бегендными" землями. Они чтобы крепче держать в кабале своих дебиторов, при малейшей нужде спешили им на помощь, выдавая дополнительные ссуды. Таким образом, затягивая накинутую на своих заемщиков петлю все туже и туже, кредиторы достигали полного и беспрепятственного владения "бегендными" землями навсегда, и только в редких случаях при особенно благоприятных условиях земли выкупались обратно.

Земельные участки сдавались в аренду по разным причинам: разоряющееся крестьянство сдавало свой клочок земли из нужды, так как не всегда было в силах обрабатывать его, князья сдавали свои участки земли с целью повышения своих доходов, либо выгодного обмена одного участка земли на другой. Насколько большую роль стала играть "бегенда" в экономической жизни горцев к концу XIX века, можно судить даже по тому, что к этому времени около половины всех земель балкарских князей находилось в "бегенде".

Ортак состоял в том, что собственник земли мог отдавать свои угодья другим лицам, с тем, чтобы те исправно содержали участок, обрабатывали его, следили за состоянием оросительных каналов и за это он получал с них половину всего снятого хлеба или сена.

По рассказам моего отца Абаева Шамиля Меджидовича 1934 года рождения во время сенокоса Абаевы выдавали своим работникам с каждых десяти копен сена половин [3].

С 70-х годов XIX века в Балкарии отмечено стремление наладить производство молочных продуктов. М. М. Ковалевский и В. Ф. Миллер описывая свое путешествие в горские общества упомянули о попытке Хамзата Урусбиева наладить сыроваренное производство в Балкарии. Проведя несколько лет на военной службе, он уехал в Швейцарию, где изучив правильное сыроварение, открыл в урочище Хаяуко в 1874 году первый сыроваренный завод в Баксанском ущелье. Сначала дело пошло на лад: сыр изготавливаемый новым способом, оказался прехвосходен и находил сбыт даже во Владикавказе [4, с. 152]. Урусбиев сдавал сыр на комиссию в Пятигорск, в магазин Эрина, а во Владикавказе осуществлял продажу на базаре. Но вследствие падежа 200 дойных коров, производство пришлось закрыть. В июле 1887 года один из братьев Урусбиевых Александр смог восстановить производство сыра, но в более скромных размерах.

На Кавказской сельскохозяйственной и промышленной выставке 1889 года в отделе молочных продуктов был проэкспонирован круглый сыр урусбиевского завода. Он был удостоен малой серебряной медали [5, с. 277].

В конце 80-х годов XIX века возникали идеи, об устройстве в Балкарии "одной или нескольких передвижных маслоделен-сыроварен, мастера при которой могли бы давать населению ближайших селений "советы, указания и наглядный пример производства" [1, с. 101]. Предполагалось также, "не изменяя издавна усвоенных туземным населением способов выделки сыров", устроить подвалы для их выдержки.

В начале XX века в Чегемском обществе Балкароковым (Балкоруковым) был организован сыроваренный, а Барасбиевым маслодельный завод, куда население этого общества сбывало часть молока [6, с. 250].

Открытие связанных с рынком сыроварен и маслоделен в Балкарии показывало не только новые черты в развитии хозяйства горцев, но и служило доказательством того что к развитию капиталистических отношений стали принаравливаться все стороны хозяйства жителей балкарских обществ.

Земледелие в 80-90-е годы XIX века в Балкарии вследствие малоземелья носило в основном натуральный характер: его продукты на рынок не поступали, предназначались исключительно для местных нужд, и не всегда удовлетворяли даже свои собственные потребности.

О размерах посевов в горах можно судить по распространенным там в то время единицам измерения: кулач – 2–2,5 аршина, аяк-узун – длина ступни ноги, таш-орун – место под одним камнем, черен-орун – пахотное место, дающее 1 копну овса [1, с. 101].

В пореформенный период усилились объемы применения удобрений и искусственного орошения. В этот период балкарцы сеяли в основном ячмень, но уже с 80-х годов XIX века стал получать распространение картофель.

В начале XX века посевные площади в Балкарии составляли: в 1900 году – 1942 десятины, в 1901 году – 2104 десятины, в 1903 году – 1717 десятины, в 1906 году – 1864 десятины. Земля здесь, по-прежнему, ценилась очень высоко: стоимость пахотной колебалась от 600 до 5000 тысяч рублей, а луговой и пастбищной – от 270 до 2000 тысяч рублей за десятину [5, с. 122].

В начале XX века балкарцы стали выращивать новые культуры: овес, яровую пшеницу, кукурузу и масличные. В 1906 году в балкарских обществах было посеяно: овса – 352 дес., кукурузы – 150 дес., подсолнуха – 8 дес. [1, с. 123]. В 1909 году: овса – 351 дес., кукурузы – 690 дес., подсолнуха – 20 дес [5, с. 262].

Некоторые хозяйства имели небольшие огороды, которые были преимущественно засеяны луком, морковью и редькой.

Развитию торговли с горцами царское правительство придавало большое значение. Русскими торговцами здесь сбывались в основном малоценные товары и в обмен на это они вывозили продукты земледелия, скотоводства и сырье для промышленности Центральной России.

В пореформенный период в балкарских аулах появлялись стационарные торговые лавки, постепенно вытесняя меновую торговлю. М. Кипиани в 1881 году осматривая селение Чегем, "нашел здесь лавку с красным товаром, где торгует русский человек из Нальчика" [7, с. 64]. Естественно уровень развития социально-бытовой инфраструктуры в аулах напрямую был связан с численностью его жителей. Конечно, важную роль играло местоположение селения и время его возникновения. По сведениям за 1897 год, в Хасауте имелась 1 мелочная и 1 мануфактурная лавки, в Хуламе 1 мелочная и 3 временные мануфактурные лавки, в Гунделене – 1 мелочная и 3 мануфактурные лавки, в Урусбиевском поселке – 3 мануфактурные лавки, в Чегеме – 2 мелочные и 7 мануфактурных лавок [6, с. 250].

Вторая половина XIX – начало XX вв. были отмечены важным событием, разомкнувшим изолированный образ жизни горцев – строительство колесных дорог. Закрытые в труднодоступных ущельях балкарцы остро нуждались в удобном колесном сообщении с плоскостью.

В 1861 году Исмаилом Урусбиевым была предпринята первая попытка построить колесную дорогу по Баксанскому ущелью. В своем донесении он писал: "Кроме

разработанной дороги я успел поставить новый мост через реку Баксан, и горцы, до сих пор не понимавшие выгоды этой дороги, теперь сплошь запаслись к весне арбами, чтобы бросить навсегда свои вьюки" [8, с. 181].

Н. Грабовский в своих путевых заметках за 1867 год отмечал, что "дорога весьма хороша и удобна не только для верховой, но и для колесной езды в небольшом экипаже. Устройство ее, а также восьми прочных и довольно широких мостов через реку Баксан принадлежит исключительной заботливости прапорщика Исмаила Урусбиева" [8, с. 381].

Взялись за строительства дороги в 1880 году жители Хуламского и Безенгиевского обществ, пробив ее в очень труднодоступных местах. Строительство дороги от местности Чирфы до местности Тах-та для жителей вышеуказанных обществ обошлось в 19 тысяч рублей, 380 баранов "ищегрик" и пятьсот мер ячменя и кукурузы. Первая часть означенной дороги начиналась с местности Чирфы до местности Тыжинты-тюп, с одним зигзагом; вторая часть оттуда до Агран-тюп; третья часть от Агран-тюп до спуска к реке Жагараш; четвертая часть по ложбине реки Черек до реки Кара-су и пятая часть от Кара-су, через Гидче-чат до Тых-та [2, с. 151].

Много усилий вложили в строительство дороги жители Балкарского общества. Начав строительство в 1884 году, они на протяжении 10 лет прокладывали этот путь. Дорога была построена по правую сторону течения реки Черка начиная от поселка Тюбел-Чегем около дома Джилкибаевых и до поляны под названием "Бабугент". Кроме суммы в 40 тысяч рублей серебром жители Балкарского общества обязаны были по требованию подрядчика давать еще четыре рабочих силы с каждого двора, то есть две тысячи человек на один рабочий день, партиями, при разработке части дороги от речки Шинань-кол до дома Джилкибаевых, но только не во время полевых работ. Рабочие эти должны были быть на своих харчах. Кроме того, Балкарское общество обязано было дать подрядчику четыреста девяносто три пуда пороха для разрыва скал [2, с. 147, 148].

Вложив огромный труд, затратив сумму в 40 тысяч рублей, сотни пудов пороха и приплатив также большое количество скота, Балкарским обществом была проложена в 1894 году колесная дорога по Черекскому ущелью.

Следуя примеру Балкарского общества, жители Чегемского ущелья также провели с гор на плоскость колесный путь за счет своих средств [8, с. 191]. Дорога была построена от поселка Чегем по берегу реки Чегем к Хутору Балкарокова под названием Актотрак, от Актотрака через местности Ифчик и Жигат к реке Кесенты, затем по берегу реки Кесенты к Баксанской дороге [2, с.

190]. При разработке дороги Чегемскому обществу было безвозмездно выделено из казны 690 пудов пороха [2, с. 192]. Вследствие неудовлетворительного состояния дороги при окончании ее строительства, подрядчикам Чегемским обществом вместо оговоренной в начале строительства суммы в 32 тысячи рублей была выдана сумма в 16 тысяч рублей.

Прокладка колесного пути сквозь неприступные скалы из Балкарского, Чегемского, Баксанского, Хуламского и Безенгиевского обществ на плоскость явились настоящим подвигом балкарского народа, вызвавшим восторг и удивление, как русского, так и соседних народов.

В условиях развернувшейся во второй половине XIX – начале XX века "горнопромышленной лихорадки" в Балкарии началась интенсивная разведка месторождений полезных ископаемых. Мещанин Житомирской губернии Зейпик Фрахтман и кабардинец Измаил Лиев хлопотали о разрешении добывать каменный уголь на землях, принадлежащих частным собственникам Балкарукову, Кучукову и Барасбиеву.

В связи с изысканиями в Балкарии на всех общественных землях всякого рода полезных ископаемых и переговорами об отведении участков "для эксплуатации" рудных месторождений, в документах неоднократно упоминаются жители Хуламского общества – братья Муллаевы. Студент Харьковского технологического института Магомет Муллаев получил разрешение Хуламского общества на разработку киноварной руды, а его брат Исхак Муллаев добился от безенгиевцев разрешения провести разведку горных богатств на землях общества, прокладывать для заводских надобностей дороги, ставить мосты, пользоваться силой рек, камнем и песком для построек. Но царская администрация запретила разработку руд в горских обществах частным предпринимателям, ссылаясь на то, что земля находится лишь в пользовании балкарских обществ и недра ее принадлежат не им, а казне.

В пореформенный период очень большое значение приобрела аренда земли. Нововведением в развитии аренды было то, что "арендная плата стала братья деньгами, раньше же, до сближения с русскими, бралась натурой – баранами и молоком" [1, с. 104]. Крупные арендаторы брали в аренду большие массивы земли, а затем часть земель они дробили на участки и сдавали в аренду крестьянам за цену, превышающую первоначальную стоимость. Это вело к росту арендных цен на землю и разорению многих крестьянских хозяйств.

Развитие скотоводства в связи с ростом предпринимательства, усиление социального расслоения и рост численности населения в Балкарии настолько обострили земельный вопрос, что царская администрация была вы-

нуждена заняться вопросом обеспечения сопредельных с Большой Кабардой горских обществ: Балкарского, Безенгиевского, Хуламского, Чегемского и Урусбиевского пастбищными землями.

По подсчетам топографа Н. П. Тульчинского, детально изучившего все общества Балкарии, в конце XIX века балкарцам из общих пастбищ было выделено следующее количество земли: для Баксанского общества в одном участке 6208 дес., для Чегемского в четырех местах 8923 дес., для Хуламского в трех местах 4000 дес., для Безенгиевского в четырех местах 2151 дес., и для Балкарского в 18 местах 12109 дес. [9, с. 349].

Внутри обществ общинные пастбищные угодья были распределены крайне неравномерно: таубии и кулаки, имевшие большое количество скота и лошадей, пользовались большим числом десятин, а остальные имевшие не более 2–3 голов скота, объединялись в группы от 5 до 10 человек, которым сообразно с количеством скота, выделялась определенная площадь.

За пользование пастбищами взимался подесятинный сбор. Упорядочение пользования пастбищами содействовало развитию скотоводства, прежде всего, наиболее состоятельной части населения Балкарии. По исследованию Абрамовской комиссии, к началу XX века земли в Балкарии распределялись крайне неравномерно: "В пяти горских обществах Нальчикского округа, за исключением Баксанского ущелья, у 139 таубиев, или 6% всего населения, находилось пахотной земли 500 десятин или 20% всей земли, имеющейся у общества, покосной 5762 десятины или 43%, пастбищной 26947 десятин или 30%" [10, с. 173, 174].

Во второй половине XIX века Балкарию коснулся процесс раздворянивания феодальной элиты. Он выражался в том, что князья, основной функцией которых являлось управление аулами и подвластными им землями, стали заниматься, не свойственными для них функциями. Они открывали сыроварни, маслодельни, занимались строительством колесных дорог. Происходил процесс усложнения самосознания традиционной знати, представителям которой приходилось играть множество социальных ролей. Теперь они становились не только представителями знатной фамилии, владельцами горского общества, но также адвокатами, публицистами, врачами, музыкантами, предпринимателями и чиновниками.

Этот процесс начался еще в первой половине XIX века, когда в Георгиевскую крепость были привезены балкарские аманаты, которые проходили там курс обучения русскому языку и письму. После окончания курса обучения они заменялись другими представителями балкарских княжеских родов и стали первыми проводниками российской культуры в горские общества.

Балкарские князья, получившие образование в учебных заведениях Российской империи во второй половине XIX века вели большую просветительскую работу. Выступали инициаторами открытия школ, гимназий, библиотек, пытались организовать выпуск периодических изданий (Сафарали Урусбиев), осуществляли первые шаги по созданию письменности на кириллице (Сафарали и Науруз Урусбиевы). Благодаря их усилиям к концу XIX века были открыты первые светские учебные заведения [11, с. 4].

Имена таубиев Асламурзы, Кургоко (Гергока) и Мисоста Абаевых часто упоминаются в документах, посвященных строительству Балкарской общественной колесной дороги. Асламурза Абаев наряду с Геурги Кюйгеновым и Умаром Темукуевым входил в число дорожных поверенных Балкарского общества, которые в течение десяти лет занимались всеми проблемами дороги: они выбирали направление и отстаивали свой выбор перед начальством, земляками и подрядчиками, нанятыми ими же, добывали бесплатный порох, распоряжались денежными средствами, следили за строительством дороги, а затем вошли в состав приемной комиссии, в то же время они никому не подчинялись и были ответственны только перед обществом, которое наделило их такими большими полномочиями [12, с. 5].

С именем князей Урусбиевых связана первая попытка постройки колесной дороги из Баксанского ущелья на плоскость в 1861 году. Работы велись два года, и к весне 1863 года дорога протяженностью в 60 верст, от аула Урусбиева достигла Кабардинской плоскости. В 1869

году братья Урусбиевы продолжили дорогу в глубь ущелья до Донгуз-оруна и получили для строительства порох для взрывных работ, железо и необходимый инвентарь [6, с. 246, 247].

В социально-политической интеграции балкарских обществ в состав Российской империи, определенную роль играло получение представителями горских элит светского образования, приобщение их к русской и мировой культуре было фактором, по выражению М. С. Воронцова, который был способен несмотря ни на что приобщить окраины к общерусской гражданственности и связать "разноплеменной край с империей" [6, с. 243].

Таким образом, социально-экономическое развитие Балкарии в конце XIX – начале XX века показывает, что масштабы включения балкарских обществ в систему рыночных отношений в этот период были существенными. Балкарцы втягивались в рыночные отношения почти исключительно через реализацию продуктов традиционных промыслов и животноводства. Случаи предпринимательской активности по переработке сельскохозяйственной продукции, в строительстве дорог и разработке полезных ископаемых носили единичный характер. Сохранилось безусловное доминирование традиционных видов деятельности. Вовлечение представителей немногочисленной элиты Балкарского общества в сферу русской культуры привело к формированию личностей способных осознать и отстаивать интересы своего народа в постоянно меняющемся мире и адаптировать его к общероссийскому историческому процессу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерки истории балкарского народа. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1961. – 220 с.
2. Документы по истории Балкарии (40–90 гг. XIX в.) / Сост. Е.О. Крикунова. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. – 264 с.
3. Полевой этнографический материал 2016 года. Сообщение информатора Абаева М. Ш. 1934 г.р.
4. Исследование обычного права балкарцев М.М. Ковалевского, В.Ф. Миллера и И.И. Иванюкова (1883–1890)/Антология памятников права народов Кавказа. Памятники права Балкарии. М., ООО Издательство "Перо", 2012. – 464 с. Т. 11.
5. Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. – 420 с.
6. История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. – 720 с.
7. Кипиани М. Пять горских обществ Большой Кабарды или Таули/Балкария: Страницы прошлого. Вып. 1. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. – 112 с.
8. Кучинаев М. Ю. История Балкарии с древнейших времен и до конца XX века. Книга 1. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. – 414 с.
9. Тульчинский Н. П. Пять горских обществ Кабарды (1903). Извлечение /Антология памятников права народов Кавказа. Памятники права Балкарии. М., ООО Издательство "Перо", 2012. – 464. Т.11.
10. Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 190 с.
11. Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в./ Сост. пред, стат. об авторах и коммент. Т. Ш. Биттировой. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 248 с. Т.2
12. Темукуев Б. Б. Балкарская общественная колесная дорога. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. – 672 с.